

Научная статья

УДК 327, 339

EDN KKQRLI

DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(2).158-168

Стратегия Китая в отношении де-факто государств постсоветского пространства с позиции неореализма

И.Н. Ерицян

Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

И.В. Олейников

Иркутский государственный университет;
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

09.05.2023

Дата принятия к печати:

08.06.2023

Дата онлайн-размещения:

14.07.2023

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегии Китайской Народной Республики в отношении де-факто государств постсоветского пространства. Проблема слабо отражена в российской специальной литературе, западными исследователями вопрос освещается спорадически. Представляется необходимым ответить на вопрос: ограничен ли интерес КНР исключительно экономическим направлением частных компаний или это часть масштабной стратегии государства по расширению своего влияния на Южном Кавказе (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах) и левобережье Днестра (Приднестровье)? Экономический курс КНР является частью политических процессов. Попытки установить политическое влияние в разных регионах мира реализуются через экономическое вовлечение и контроль. Китай продвигает в мировом политическом пространстве образ сторонника курса на расширение сотрудничества и предотвращение региональных конфликтов, одновременно успешно балансируя между различными конкурирующими группами в мировой системе, устанавливая с каждой стороной выгодные экономические отношения. Применение инструментария неореализма к анализу стратегии Китая в отношении де-факто государств постсоветского пространства позволяет сделать выводы о том, что постепенное и неявное продвижение китайских интересов в де-факто республиках пост-СССР является частью глобального подхода КНР.

Ключевые слова. Внешняя политика Китая, де-факто государства постсоветского пространства, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровье, неореализм.

科学文章

从新现实主义角度看中国对后苏联地区的事实国家的战略

I.N. Eritsyayn

贝加尔国立大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦

I.V. Oleynikov

伊尔库茨克国立大学;
贝加尔国立大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2023年05月09日

出版日期: 2023年06月08日

网上出版日期: 2023年07月14日

摘要: 本文致力于分析中华人民共和国对后苏联地区事实上的国家的战略。这个问题在俄罗斯的专业文献中涉及得很少, 西方学者也零星地涉及到这个问题。似乎有必要回答这样一个问题: 中华人民共和国的利益是否仅仅局限于私营公司的经济方向, 或者它是扩大其在南高加索地区(阿布哈兹、南奥塞梯、纳戈尔诺-卡拉巴赫)和德涅斯特河左岸(德涅斯特河)影响力的大规模国家战略的一部分? 中国的经济政策是政治进程的一部分。在世界不同地区建立政治影响力的尝试是通过经济参与和控制来实现的。中国在国际政治空间中宣传支持加强合作和防止地区冲突的形象, 同时成功地在全球体系中不同的竞争集团之间取得平衡, 与每一方建立有利的经济关系。将新现实主义的工具应用于分析中国对后苏联地区事实上的国家的战略, 允许我们得出这样的结论: 中国在后苏联地区事实上的共和国中逐步和隐性地促进中国的利益是中国全球方针的一部分。

关键词：中国对外政策，后苏联地区的事实国家，阿布哈兹，南奥塞梯，纳戈诺-卡拉巴赫共和国，德涅斯特河沿岸，新现实主义。

Original article

China's Strategy Toward the De Facto States of the Post-Soviet Space from a Neorealist Perspective

I.N. Eritsyan

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

I.V. Oleynikov

Irkutsk State University;
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2023 May 09

Accepted: 2023 June 8

Available online: 2023 July 14

Abstract. The article analyzes the strategy of the People's Republic of China in relation to the de facto states of the post-Soviet space. The problem has not received enough attention in the Russian research literature; Western researchers cover the issue sporadically. It seems necessary to answer the question: is the PRC's interest limited solely to the economic direction of private companies or is it part of a large-scale state strategy to expand its influence in the South Caucasus (Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh) and the left bank of the Dniester (Transnistria)? The economic course of the PRC is part of the political processes. Attempts to establish political influence in different regions of the world are realized through economic involvement and control. On the global political arena China promotes its image of a supporter of expanding cooperation and prevention of regional conflicts, while successfully balancing between different competing groups in the world system, establishing profitable economic relations with each side. Applying the tools of neorealism to the analysis of China's strategy toward the de facto states of the post-Soviet space we concluded that the gradual and implicit promotion of Chinese interests in the de facto post-Soviet republics is part of China's global approach.

Keywords. Chinese foreign policy, de facto post-Soviet states, Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh Republic, Transnistria, neorealism.

Введение

После распада Советского Союза на территории образовавшихся государств активно продолжались центробежные процессы, которые привели впоследствии к образованию де-факто государств — Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья и Южной Осетии. Абхазия¹ и Южная Осетия² были признаны рядом государств-членов ООН, в том числе Российской Федерацией. Вместе с тем, мощные акторы международной системы, в том числе и Китайская Народная Республика, не осуществили акт дипломатического признания де-факто государств, несмотря на наличие юридического

¹ О признании Республики Абхазия : Указ Президента Российской Федерации от 26 авг. 2008 г. № 1260 // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27957>.

² О признании Республики Южная Осетия : Указ Президента Российской Федерации от 26 авг. 2008 г. № 1261// Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958>.

прецедента. Представляется, что официальная позиция КНР по вопросу «новых» государств постсоветского пространства связана с наличием проблемы Тайваня, без решения которой китайское партийное и политическое руководство не может выступать с заявлениями о начале процесса признания де-факто государств. Однако это не мешает китайским коммерческим структурам и гуманитарным институтам прагматично вести переговоры о реализации проектов на территориях Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья и Южной Осетии, что и обуславливает исследовательский интерес к проблеме.

Отметим, что рассматриваемый вопрос недостаточно отражен в отечественной историографии. Так, в 2013 г. вышла в свет работа «Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая» [1], некоторые аспекты «мягкой силы Китая» в квазигосударствах постсоветского пространства рассматриваются в студенческих работах [2]. Из исследований зарубежных ав-

торов следует отметить труды Д. Бабаяна [3; 4], М. Ламберт на примере Абхазии рассмотрел будущее китайского инвестирования на Кавказе [5]. Следовательно, анализ стратегии Китая в отношении де-факто государств пост-СССР не получил предметного освещения. Представляется интересной исследовательской задачей проанализировать подходы Китая в отношении де-факто государств постсоветского пространства с помощью теории неореализма.

Внешняя политика Китая в зеркале неореализма

В 1950–1960 гг. внешняя политика КНР при Мао Цзэдуне была ориентирована на самостоятельный курс развития, одним из направлений которого была модернизация национальной экономики вне рамок капиталистического мирового хозяйства — первоначально при помощи СССР, а затем — с опорой на собственные силы, но изоляционизм существенно ограничивал возможности успешного вхождения, присутствия и влияния Китая на мировую экономику и мировые политические процессы [6]. Китай затем открылся для западных инвестиций, но их формат был ориентирован преимущественно на приобретение современных технологий, расширение торговли товарами и услугами.

Патриарх неореализма К. Уолтц, для теоретического анализа международной политики активно обращавшийся к экономическим подходам, отмечал, что «...структура международной политики ограничивает сотрудничество государств. Государство также опасается стать зависимым от других посредством кооперативных усилий и обмена товарами и услугами...чем в большей степени государство специализируется, тем в большей степени оно полагается на других для того, чтобы получать материалы и товары, которое оно не производит. Чем больше импорт и экспорт государства, тем больше оно зависит от других» [7, р. 106]. К. Уолтц отмечает далее, что «Государства сильно зависимые или тесно взаимозависимые, беспокоятся об обеспечении безопасности того, от чего они зависят. Высокая взаимозависимость государств означает, что эти государства испытывают или подвержены общей уязвимости, которую высокая взаимозависимость влечет за собой. Как и другие организации, государства стремятся контролировать то, от чего они зависят, или уменьшить степень своей зависимости. Эта простая мысль объясняет довольно много особенностей поведения государств: их имперский нажим для

расширения сферы своего контроля и автаркические стремления к большей самодостаточности» [7, р. 106]. Таким образом, целью акторов международных отношений является реализация интересов любыми доступными средствами, а власть сводится к конкретному выражению силовых способностей.

Тезисы К. Уолтца были успешно развиты его последователями, в том числе и в интенсивной теоретической дискуссии о возможности «мирного возвышения» Китая [8; 9].

Принимая во внимание ключевые подходы в отношении вопроса об усилении Китайской Народной Республики, отметим, что Китай поступательно расширяет свою мощь, посредством применения разнообразных экономических инструментов, ресурсов «мягкой силы», во всех регионах мира, в том числе на территориях де-факто государств.

В отношении де-факто государств постсоветского пространства Китай на уровне официальных лиц делает заявления о поддержке территориальной целостности их материнских государств, при этом обращая внимание, что грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты являются внутренним делом Грузии. Аналогичную политику проводит КНР и в отношении армяно-азербайджанского конфликта по нагорно-карабахскому вопросу [10].

Б. Бузан и О. Уэвер, развивая идеи неореализма, справедливо отмечают, что «...большинство великих держав в международной системе после «холодной войны» сейчас являются «легкими силами», что указывает на то, что их внутренняя динамика уводит их от военного участия и стратегического соревнования в горячих точках мира, оставляя местные государства и общества разбираться в их военно-политических отношениях с меньшим прямым вмешательством великих держав чем было до этого» [11, р. 11]. Указанную ситуацию мы можем наблюдать и во внешней политике Китая, поступательно реализуемой на основе принципов «гармоничного мира», прямое военное вмешательство в конфликты, связанные с де-факто республиками отсутствует, но китайское присутствие носит латентный характер посредством применения инструментов экономического влияния или гуманитарной поддержки.

Неореалисты, по мнению К. Уолтца, рассматривают государства как составные части, каждое государство является автономной политической единицей, а автономия на уровне составной части представляет собой аналог

анархии на структурном уровне [12, р. 37]. Попытки распространения своего влияния на территориях де-факто государств постсоветского пространства для Китая представляют собой возможность опосредованного воздействия на политику постсоветских государств, это своеобразные сигналы, подаваемые мощным актором в отношении более слабых элементов международной системы.

Реализация политики КНР на территории де-факто государств

Профессор М.Э. Ламберт определяет политику Китая на территории де-факто государств постсоветского пространства как основанную на бизнес-ориентированном подходе [5]. Среди вариаций коммерческих сфер присутствия Китая: развитие винодельческой промышленности, интерес к экспорту вина, помидоров, апельсинов, табачных изделий, добыча полезных ископаемых (Нагорный Карабах), производство спиртных напитков (Приднестровье) и туризм (Абхазия) [там же].

Как отмечает Д. Бабаян, де-факто государства постсоветского пространства представляют для Китая лишь определенную часть ближневосточного геополитического театра [4, с. 149].

Одновременно Китай рассматривает возможное сотрудничество с де-факто республиками постсоветского пространства в сферах энергетики, торговли, инфраструктуры, инвестиций. Это косвенный признак того, что развитие транспортных и торговых коридоров в рамках сотрудничества с де-факто республиками происходит за рамками политики признания территориальной целостности материнских государств.

Так, Южная Осетия стала одной из первых де-факто республик постсоветского пространства, с которой Китай начал вести диалог на государственном уровне в рамках гуманитарных контактов в 2008 г. [13].

В 2009 г. в Южную Осетию прибыли представители крупной китайской компании «Veifa Group» для оценки инвестиционной привлекательности республики, но фактически какие-либо коммерческие проекты не были предложены [4, с. 147]. Очередной коммерческий интерес к Южной Осетии со стороны Китая был проявлен лишь в 2017 г. в отношении лидирующего в производстве цветных металлов г. Квайса, в окрестностях которого находится месторождение свинцово-цинковых руд и есть возможности для их переработки. Однако, среди причин отказа китайских инвесторов в

реализации проекта стали не только дефицит электроэнергии и квалифицированных кадров, но и де-факто статус частично признанной республики [14, с. 27–28].

Абхазия заинтересовала Китай в 2007 г. — по итогам встречи китайских бизнесменов с официальными лицами Абхазии в качестве приоритетных отраслей экономики были отмечены строительство, добыча стройматериалов и аграрный сектор³. Но, как и в случае с Южной Осетией, реальные коммерческие проекты не были предложены.

На уровне официальных лиц Россия с 2008 г. неоднократно предпринимала попытки диалога по вопросу статуса республик Абхазия и Южная Осетия, и в первую очередь — используя институциональную основу Шанхайской организации сотрудничества. Однако ни одно государство ШОС до сегодняшнего дня не поддержало Россию в вопросе признания Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых и суверенных государств. Главы государств ШОС аргументировали невозможность публичной поддержки де-факто республик постсоветского пространства наличием собственных территориальных проблем. Политика Пекина была сдержанной, в том числе, как было заявлено официальными лицами, из-за тенденций сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Тибете и Тайване, в случае дипломатического признания Абхазии и Южной Осетии КНР была обеспечена созданием возможного негативного прецедента для своих проблемных территорий, «...после признания Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии китайская сторона стала демонстрировать некоторую дистанцированность от позиции России» [15, с. 122–123]. Таким образом, институциональная логика использования международной площадки для воздействия на позицию КНР по отношению к де-факто государствам не возымела должного эффекта — для китайского руководства основой продолжали оставаться принципы государственного суверенитета и противодействия трансграничным угрозам, факторам сепаратизма, что соответствует подходам неореалистской теории.

18 мая 2011 г. в Гонконге был подписан меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Торгово-промышленными палата-

³ Сотрудничество с Китаем — положительное воздействие на внешнюю экономику Абхазии // Международные новости X-True.Info. 2019. 24 ноября. URL: <https://x-true.info/91191-sotrudnichestvo-s-kitaem-polozhitelnoe-vozdejstvie-na-vneshnjuju-jekonomiku-abhazii.html>.

ми Республики Абхазии и Гонконга⁴. В октябре того же года делегация Торгово-промышленной палаты Абхазии участвовала в открытии Кантонской ярмарки в городе Гуанчжоу для расширения китайско-абхазских взаимоотношений в различных направлениях (инвестиции, технологии, расширение ассортимента китайской продукции и т.д.) [4].

На официальном сайте Министерства иностранных дел Абхазии доступна полная информация о внешнеполитической деятельности республики, свидетельствующая, что встречи с официальными лицами Китая отсутствуют. В политическом пространстве активность преобладает со стороны Абхазии. Так, была введена должность почетного консула Республики Абхазия в КНР с резиденцией в Пекине⁵. Почетный консул в Пекине, лоббист Гэ Чжили работает в пекинской компании “Asia-European Continent Information Consulting Co. Ltd.”. Последнее обращение почетного консула Абхазии Гэ Чжили на канале МИД РА на площадке You Tube вышло в октябре 2013 г.⁶

Из прочих визитов, следует отметить, что 12 ноября 2019 г. в Министерстве иностранных дел Абхазии прошла встреча официальных лиц Абхазии, в том числе министра иностранных дел и вице-преьера, министра финансов с прибывшей в республику китайской делегацией в составе заместителя председателя Китайско-Азиатской Ассоциации экономического развития Лью Я Джун и главного инженера фирмы “China Unicom” Лонг Вейбо. Абхазская сторона выразила надежду на продуктивные результаты встречи, реализацию экономических проектов взаимодействия⁷, однако по состоянию на начало 2023 г. фактические шаги так и не были предприняты. В свою очередь Тбилиси запросил у посольства Китая в Грузии объяснения относительно прибытия китайской делегации в Абхазию, на что посольство Китая вновь подтвер-

дило, что уважает и поддерживает грузинский суверенитет и территориальную целостность материнского государства [16].

6 декабря 2021 г. в Сирийской Арабской Республике в Дамаске состоялась встреча Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Абхазия и Чрезвычайного и Полномочного Посла Китайской Народной Республики, на которой обсуждались вопросы возможного сотрудничества в торгово-экономической и гуманитарных сферах в том числе и в рамках поддержки Сирийской Арабской Республики. Реакция материнского государства на встречу была, как и на любые попытки Абхазии установить независимый дипломатический диалог с другими государствами, негативной, было выражено недовольство относительно распространения информационных материалов по итогам прошедшей встречи⁸. Дополнительно МИД материнского государства из-за состоявшейся встречи провел беседу с послом Китая в Грузии, по итогам которой китайский посол сообщила, что состоявшаяся встреча скорее является недоразумением и Пекин продолжает придерживаться своей позиции о территориальной целостности Грузии⁹.

С геополитической точки зрения, профессор М.Э. Ламберт определяет, что Абхазия может стать возможностью для создания китайского аванпоста на Черном море и обеспечить китайское инвестирование в другие страны (например, Турцию и Молдову) [5].

В целом присутствие Китая в Закавказье предопределяется его внешнеэкономической политикой, ориентированной на вложения в реальный сектор экономики и в первую очередь добывающих отраслях для удовлетворения своих потребностей в сырье (энергоносители и металлы). Инвестициями политика Китая не ограничивается, китайская сторона активно выдает связанные кредиты развивающимся странам, и в приоритете такого рода политики — государства с большими запасами сырья [10]. Однако закавказские экономические аналитики, анализируя дела, связанные с китайскими проектами

⁴ Подписан меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между ТПП Абхазии и Гонконга // Торгово-Промышленная Палата Республики Абхазия : офиц. сайт. URL: <https://www.tppra.org/news/podpisan-memorandum-o-vzaimoponimanii-i-sotrudnichestve-mezhdu-tpp-abkhazii-i-gonkonga-149.html>.

⁵ Абхазия в системе международных отношений // МИД Республики Абхазия : офиц. сайт. URL: <http://mfaapsny.org/ru/foreign-policy/abkhazia/>.

⁶ Почетный консул Республики Абхазия в КНР Гэ Чжили // You Tube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BAAbACNMCMY>.

⁷ О встрече с делегацией из КНР // МИД Республики Абхазия : офиц. сайт. URL: <http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/visits/o-vstreche-s-delegatsiy-iz-kr/>.

⁸ Заявление Министерства иностранных дел Республики Абхазия в связи с давлением грузинской стороны на Посла КНР в Сирии // МИД Республики Абхазия : офиц. сайт. URL: http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/zayavlenie-ministerstva-inostrannykh-del-respubliki-abkhaziya-v-svyazi-davleniem-gruzinskoy-storony-/?sphrase_id=82449.

⁹ В МИД Грузии провели беседу с послом Китая из-за встречи дипломатов Абхазии и КНР в Сирии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13162341>.

(нарушение экологических норм и соглашений), отмечают, что для азиатских инвесторов не характерно проводить серьезный анализ рынка конкурентных стран и антимонопольного законодательства, и как следствие, наибольший интерес у них вызывают нерегулируемые рынки. Таким образом, китайские инвестиции рассматриваются как механизм поступления «черного капитала» в Грузию [10, с. 135].

Отмечается, что основными причинами отсутствия объемных китайских инвестиций в закавказские де-факто республики, выступают не только дипломатические препятствия со стороны материнского государства, но и «...неготовность молодых республик к цивилизованному ведению бизнеса и правовая незащищенность...» [там же, с. 146], что дополнительно усугубляется общей нестабильностью в де-факто республиках.

В. Гусейнов определяет, что, несмотря на высокие экономические перспективы государств Южного Кавказа стать важным транспортным хабом между Европой и Азией, их потенциал не может быть в полной мере реализован из-за внутрирегиональных конфликтов с де-факто государствами. Вероятность эскалации конфликтов создает риски для экономических проектов и понижает общую инвестиционную привлекательность региона [17].

Спорадические контакты у Китая наблюдаются с Приднестровьем и де-факто южно-кавказской Нагорно-Карабахской Республикой. Так, в приднестровском городе Тирасполь в октябре 2018 г. в рамках VI съезда Торгово-промышленной палаты Приднестровской Молдавской Республики прошел международный инвестиционный экономический форум, в котором среди 600 участников присутствовали и представители китайской делегации. В марте 2019 г. Болгаро-Китайская торгово-промышленная палата выразила намерение о реализации двух инвестиционных проектов в Приднестровье, связанных с созданием экономической зоны в сфере майнинга криптовалюты. Однако по прошествии четырех лет, намерение не нашло своего практического отражения¹⁰.

В политической плоскости карабахско-китайские отношения отсутствуют. В определенной степени на развитие карабахско-китайских связей оказывают влияние армяно-китайские связи. Например, из-за непризнанного статуса

Нагорно-Карабахской Республики, карабахские бизнесмены используют армянские паспорта для международных поездок. Однако это воздействие является лишь технической стороной отношений. Китай развивает бизнес, не углубляясь в политику [13]. Основные сферы сотрудничества следующие: строительство, камнеобработка, гидроэнергетика. Карабахская сторона, в частности, закупила в 2014 г., китайские турбины для нескольких гидроэлектростанций, недавно построенных в Нагорном Карабахе [там же].

В. Гусейнов видит Китай, как одну из ведущих экономик мира, вовлеченную и заинтересованную в реализации инвестиционных проектов на Южном Кавказе и КНР. Это, по его мнению, внесло бы вклад в разрешение нагорно-карабахского конфликта. Интерес к урегулированию армяно-азербайджанского конфликта обусловлен необходимостью обеспечения политической стабильности в странах Южного Кавказа, которые входят в инициативу КНР «Один пояс. Один путь» [17]. Инициатива предусматривает реализацию инфраструктурных и логистических проектов, к примеру, проекта «Шелковый ветер». Но представляется, что даже до эскалации конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 2020 г., такие идеи не могли быть реализованы полноценно. После совместного заявления Россия – Армения – Азербайджан¹¹, в соответствии с которым на территории Нагорно-Карабахской Республики расположен миротворческий контингент, российское присутствие в регионе не может быть замещено другими акторами.

Анализ политики КНР на территории де-факто государств постсоветского пространства с позиции неореализма

Стоит обратить внимание, что отсутствие общих границ исключает те риски, которые КНР ведет со своими соседями: споры по поводу границ, опасения расширения китайского влияния, вопросы разграничения или управления водными ресурсами. Южный Кавказ не выступает потенциальным убежищем для уйгурских сепаратистов, угрожающих Синьцзян-Уйгурскому автономному району [18, р. 104]. Но, несмотря на то, что на Южном Кавказе расположены три из четырех де-факто республик постсовет-

¹⁰ Слово эксперту: География инвестиций в экономику Приднестровья. // Торгово-промышленная палата Приднестровья. URL: <https://tiraspol.ru/news/slovo-ekspertu-geografiya-investitsiy-v-ekonomiku-pridnestrovyu/>.

¹¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения Президента Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384>.

ского пространства, в научной литературе существенно ограничены материалы, посвященные анализу политики Китая в отношении данных образований. Основная причина — фактически полное отсутствие у КНР дипломатических связей с де-факто государствами. Позиция Китая, ссылаясь на нерешенность вопроса с Тайванем, на официальном уровне выражается в поддержке территориальной целостности материнских государств, а соответственно — непризнания отделившихся от них республик.

Для материнских государств Закавказья, вынужденных принимать во внимание наличие де-факто государств, интересен и китайский опыт взаимодействия с Тайванем, который де-юре является частью Китая, но де-факто действует как независимая экономика [18, р. 107].

С позиции неореализма, поскольку некоторые государства могут в любой момент применить силу, все государства должны быть готовы сделать это — или быть ориентированными существование под властью своих более мощных в военном отношении соседей. Проводимая Китаем стратегия свидетельствует о его нежелании жить под властью какого-либо государства, для него предпочтительно быть одним из сильнейших государств. В настоящее время сила определяется возможностями, и Китай пытается создавать такие возможности для реализации интересов в регионе в том числе и с помощью экономического и гуманитарного присутствия в де-факто республиках постсоветского пространства.

С позиции неореализма, приведем мнение К. Уолтца «Когда спор идет о соображениях, стороны стремятся сохранить или улучшить свои позиции путем маневрирования, торга или борьбы. Способ и интенсивность конкуренции определяются желаниями и возможностями сторон, которые одновременно являются разделенными и взаимодействующими... Постоянная возможность применения силы ограничивает манипуляции, сдерживает требования и служит стимулом для урегулирования споров» [7, pp. 113–114]. Таким образом, государствам важно иметь возможность оказать влияние для управления или манипулирования сторонами конфликта и предотвращения применения силы. Экономическая зависимость де-факто республик постсоветского пространства и их материнских государств от КНР позволит последней получить рычаги влияния на Южном Кавказе и на левом берегу Днестра.

Одновременно политика расширения влияния Китая, в рамках «дилеммы безопасности»

неореализма [19, р. 619], свидетельствует, что меры КНР, направленные на повышение своей безопасности, снижают безопасность других государств. Политическое лидерство необходимо для выполнения управленческой или контролирующей роли. В мире, в котором правительства все чаще несут ответственность за экономическое благополучие своих народов, становится непреодолимым искушение проводить политику, приносящую пользу своим гражданам за счет других обществ.

Однако, отметим тот факт, что гегемония постепенно подрывает саму себя. Таким образом, Китай, ограничившись региональной гегемонией и возложенной на него ответственностью, как одного из ведущих государств, неизбежно придет к злоупотреблению реализуемой внешней стратегией в ущерб иным акторам международной системы.

Роберт Гилпин, поддерживая аргумент в пользу гегемонистского лидерства, обращал особое внимание, что «...гегемонистский лидер должен быть готов подчинить свои краткосрочные экономические интересы своим долгосрочным интересам и общему благу международной экономики <...> Хотя доводы в пользу гегемонистского лидерства не являются окончательными и не следует исключать возможность плюралистического лидерства, маловероятно, что либеральная мировая экономика сможет выжить без либерального гегемона, приверженного ее сохранению» [20, р. 365].

Мощный актер может проводить стратегию, приносящую ему значительную выгоду, в то время как ее издержки переносятся на другие экономики. И такими экономиками станут государства, чья торгово-экономическая зависимость от Китая будет увеличиваться — в рассматриваемом случае это государства постсоветского пространства, на территории которых образуются де-факто республики.

Б. Бузан и Л. Хансен, в свою очередь, отмечают, что если теория демократического мира в конце концов и устранил категорию биполярного мира — в долгосрочной перспективе подход утопичен. Авторы подчеркивают: «Во-первых, это связано с широко обсуждающимся “возвышением Китая”. Большое недемократическое государство поднимается до статуса сверхдержавы на основе своих растущих материальных возможностей и возвращает международную систему к биполярной структуре. С неореалистической точки зрения Китай и США должны стать соперниками, в том числе военными, в результа-

те чего, среди прочего, традиционная повестка дня в рамках международной безопасности возвращается в центр внимания. Многое можно интерпретировать как показатели в этом направлении, от китайско-американского соперничества в космосе до беспокойства о китайском влиянии в Африке и других регионах <...> Но есть также много аргументов в пользу того, что подъем Китая не воспринимается как угроза ни его соседям, ни большей частью остального мира, включая Европу. Принятие Китаем капитализма и его интеграция в мировую экономику, его стратегия «мирного возвышения» и его умеренное поведение во многих международных организациях открывают возможности для правдоподобного альтернативного сценария...» [21, р. 266]. С помощью приведенной цитаты можно интерпретировать взаимодействие КНР с де-факто государствами постсоветского пространства в экономической и гуманитарной плоскости.

С неореалистической точки зрения, постепенное усиление Китая должно угрожать интересам США в условиях реализации мирной внешнеполитической стратегии, потому что оно подрывает стремление США оставаться единственной сверхдержавой. Ряд государств, ориентированных на многополярность, в том числе и Россия, могут приветствовать подход Китая, как сдерживающий фактор американской гегемонии. Усиление присутствия Китая на Южном Кавказе определяется ростом стратегического соперничества с США и Европейским союзом [22]. Действительно, Соединенные Штаты и ЕС на протяжении тридцати лет после распада СССР серьезно вкладывались в реализацию «геополитики трубопроводов» в Закавказье, поэтому интенсивное продвижение китайских проектов в регионе, в том числе и при помощи экономического проникновения в де-факто государства постсоветского пространства им крайне невыгодно.

Заключение

Фактически все взаимоотношения Китая с де-факто республиками как на Южном Кавказе, так и на левом берегу Днестра сводятся к гуманитарному, культурному и торгово-экономическому сотрудничеству, инвестиционному мониторингу, и исключительно в рамках частных китайских инвестиций. Экономическое присутствие Китая в де-факто государствах не имеет постоянной и уверенной динамики развития. Все реализуемые связи точечны и нестабильны. Отсутствие контактов на официальном уровне обусловлено желанием свести к минимуму воз-

можные геополитические риски, поскольку КНР активно сотрудничает с материнскими государствами де-факто республик. Китай официально поддерживает территориальную целостность материнских государств де-факто республик постсоветского пространства с целью избежать создания возможного прецедента для Тайваня и иных территорий. Реакция материнских государств на попытки расширения экономического сотрудничества Китая с де-факто государствами незначительна. Материнские государства не ориентированы на разрыв выгодных политических и экономических отношений с КНР, дополнительно существует воздействие тайваньского фактора, используемого ими как кейс для осуществления курса в отношении де-факто республик. Ряд материнских государств (Грузия, Азербайджан) параллельно ведут активное экономическое взаимодействие с Тайванем [13].

На приостановку возможного развития экономических и культурных взаимоотношений между Китаем и де-факто республиками воздействовал пандемийный кризис 2020 г., длительный локдаун и закрытие КНР от всего мира, поэтому период с 2019 по 2022 гг. не повлиял на динамику контактов. Аналогично и для де-факто государств постсоветского пространства пандемия препятствовала активизации внешнего курса республик в международной системе. Дополнительно для Нагорно-Карабахской республики с сентября 2020 г. и по настоящее время приоритетным стоит вопрос выживания, но важность развития связей на уровне Министерства иностранных дел НКР и других государственных органов является неотъемлемой составляющей для получения поддержки, как минимум, гуманитарного характера от членов мирового сообщества.

Таким образом, Китай, сотрудничая через частный бизнес с де-факто государствами, пытается балансировать на постсоветском пространстве, и его стратегия в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и Приднестровье может рассматриваться как механизм давления на материнские государства для реализации своих интересов на их территории. Попытки продвижения влияния в де-факто государствах постсоветского пространства для КНР представляют собой возможность опосредованного воздействия на политику постсоветских государств, это сигналы, подаваемые мощным актором в отношении более слабых элементов международной системы.

Китай продвигает в мировом политическом пространстве образ сторонника курса на расширение сотрудничества и предотвращение реги-

ональных конфликтов, одновременно успешно балансируя между различными конкурирующими группами в мировой системе, устанавливая с каждой стороной выгодные экономические отношения.

Применение обширного инструментария неореализма к анализу стратегии Китая в отношении

де-факто государств постсоветского пространства позволяет сделать выводы о том, что постепенное и неявное продвижение китайских интересов в де-факто республиках пост-СССР является частью глобального подхода КНР, что позволит ему сохранять и усиливать свои позиции независимо от воздействия структуры мировой системы.

Список использованной литературы

1. Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая / под ред. Т.С. Гузенковой. — Москва: РИСИ, 2013. — 166 с.
2. Дульский А.Д. «Мягкая сила» Китая в квазигосударствах постсоветского пространства / А.Д. Дульский. — EDN ROHDQM // Актуальные вопросы региональных и международных исследований : материалы VI Региональной науч.-практ. конф., Новосибирск, 15 нояб. 2019 г. — Новосибирск, 2019. — С. 67–69.
3. Бабаян Д.К. Китайская Народная Республика и непризнанные государства / Д.К. Бабаян. — EDN PAGSNR // Вестник МГИМО Университета. — 2012. — № 3. — С. 75–79.
4. Бабаян Д.К. Непризнанные, полупризнанные и де-факто самостоятельные государства в геополитической повестке КНР / Д.К. Бабаян // 21-й век. — 2012. — № 4. — С. 129–150.
5. Lambert M.E. The future of Chinese investment in the Caucasus. The case of Abkhazia / M.E. Lambert // New Eastern Europe. — 2018. — No. 5. — Available at: <https://neweasterneurope.eu/2018/09/20/future-chinese-investment-caucasus-case-abkhazia/>.
6. Непомнин О.Е. История Китая. XX век / О.Е. Непомнин. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2011. — 736 с.
7. Waltz K.N. Theory of International Politics / K.N. Waltz. — New York: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. — 251 p.
8. Бузан Б. Возможен ли «мирный подъем» Китая в условиях современного мира / Б. Бузан // Современная наука о международных отношениях за рубежом : в 3 т. / ред. И.С. Иванова. — Москва : НП РСМД, 2015. — Т. 3. — С. 813–852.
9. Mearsheimer J.J. China's Unpeaceful Rise / J.J. Mearsheimer // Current History. — 2006. — Vol. 105, No. 690. — P. 160–162.
10. Амелина Я.А. Страны Закавказья: «Повышенное внимание к всестороннему сотрудничеству» / Я.А. Амелина, Е.В. Бахревский, К.И. Тасиц // Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая / под ред. Т.С. Гузенковой. — Москва : РИСИ, 2013. — С. 112–146.
11. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. — New York: Cambridge University Press, 2003. — 564 p
12. Waltz K.N. Realist Thought and Neorealist Theory / K.N. Waltz // Journal of International Affairs. — 1990. — Vol. 44, No. 1. — P. 21–37.
13. Babayan D. New Silk Roads in the Southern Caucasus: Chinese Geopolitics in a Strategic Region / D. Babayan // Yale Journal of International Affairs. — 2015. — Vol. 10, No. 1. — P. 39–54.
14. Особенности политического и экономического развития Республики Южная Осетия / А.И. Суздальцев, Н.Н. Новик, В.Б. Тедеев, А.Г. Бесаева. — DOI 10.37490/S221979310021328-3. — EDN EORQWR // Псковский регионологический журнал. — 2022. — Т. 18, № 3. — С. 19–36.
15. Яблонских Е.В. Реакция ШОС на события в Южной Осетии 2008 г. / Е.В. Яблонских. — EDN TLNPGP // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л Хетагурова. — 2014. — № 3. — С. 121–126.
16. Ломсадзе Г. Китай инвестирует в электромобили, мобильные устройства и дороги в Абхазии? / Г. Ломсадзе // Eurasianet. — 2019. — 16 ноября.
17. Huseynov V. Can China Broker the Resolution of the Armenia-Azerbaijan Conflict? / V. Huseynov // The Diplomat. — 2019. — Available at: <https://thediplomat.com/2019/06/can-china-broker-the-resolution-of-the-armenia-azerbaijan-conflict/>.
18. Ögütçü M. China in the South Caucasus: Not a Critical Partnership but Still Needed / M. Ögütçü // The South Caucasus Between Integration and Fragmentation. — Brussels : European Policy Centre, 2015. — P. 103–109.
19. Waltz K.N. The Origins of War in Neorealist Theory / K.N. Waltz // The Journal of Interdisciplinary History. — 1988. — Vol. 18. — P. 615–628.

20. Gilpin R.G. *The Political Economy of International Relations* / R.G. Gilpin. — Princeton. New Jersey: Princeton University Press, 1987. — 449 p.

21. Buzan B. *The Evolution of International Security Studies* / B. Buzan, L. Hansen. — New York: Cambridge University Press, 2009. — 384 p.

22. Popkhadze M. *China's Growing Influence in the South Caucasus* / M. Popkhadze // Foreign Policy Research Institute. — 2021. — Available at: <https://www.fpri.org/article/2021/11/chinas-growing-influence-in-the-south-caucasus/>.

References

1. Guzenkova T.S. (ed.) *The Cis and the Baltic States in Chinese Global Policy*. Moscow, RISI Publ., 2013. 166 p.

2. Dul'skii A.D. "Soft Power" of China in the Quasi-States of the Post-Soviet Space. *Current Research and International Studies Issues. Materials of the VI Regional Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, November 15, 2019*. Novosibirsk, 2019, pp. 67–69. (In Russian). EDN: ROHDQM.

3. Babayan D.K. People's Republic of China and Unrecognized States. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 3, pp. 75–79. (In Russian). EDN: PAGSNR.

4. Babayan D.K. Unrecognized, Semi-Recognized and De-Facto Independent States on the Geopolitical Agenda of the PRC. *21-i vek = 21st Century*, 2012, no. 4, pp. 129–150. (In Russian).

5. Lambert M.E. The Future of Chinese Investment in the Caucasus. The Case of Abkhazia. *New Eastern Europe*, 2018, no. 5. Available at: <https://neweasterneurope.eu/2018/09/20/future-chinese-investment-caucasus-case-abkhazia>.

6. Nepomnin O.E. *History of China. XX Century*. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2011. 736 p.

7. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. New York, Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.

8. Buzan B. Is China's "Peaceful Rise" Possible in the Conditions of the Modern World? Ivanov I.S. (ed.) *Contemporary Science of International Relations Abroad*. Moscow, NP RSMD Publ., 2015. Vol. 3. pp. 813–852.

9. Mearsheimer J.J. China's Unpeaceful Rise. *Current History*, 2006, vol. 105, no. 690, pp. 160–162.

10. Amelina Ya.A., Bakhrevskii E.V., Tasits K.I. Transcaucasian Countries: "Increased Attention to Comprehensive Cooperation". Guzenkova T.S. (ed.) *CIS and Baltic Countries in China's Global Politics*. Moscow, RISI Publ., 2013. pp. 112–145.

11. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. New York, Cambridge University Press, 2003. 564 p.

12. Waltz K.N. Realist Thought and Neorealist Theory. *Journal of International Affairs*, 1990, vol. 44, no. 1, pp. 21–37.

13. Babayan D. New Silk Roads in the Southern Caucasus: Chinese Geopolitics in a Strategic Region. *Yale Journal of International Affairs*, 2015, vol. 10, no. pp. 39–54.

14. Suzdal'tsev A.I., Novik N.N., Tedeev V.B., Besaeva A.G. Features of the Political and Economic Development of the Republic of South Ossetia. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Journal of Regional Studies*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 19–36. (In Russian). EDN: EORQWR. DOI: 10.37490/S221979310021328-3.

15. Yablonskikh E.V. The Sco Response to the Events in the South Ossetia in 2008. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova = Bulletin of North Ossetian State University Named After K. L. Khetagurov*, 2014, no. 3, pp. 121–126. (In Russian). EDN TLNPGP.

16. Lomsadze G. A China to Invest in Electric Cars, Mobile Phones and Roads in Abkhazia? *Eurasianet*, 2019, November 16. (In Russian).

17. Huseynov V. Can China Broker the Resolution of the Armenia-Azerbaijan Conflict? *The Diplomat*, 2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/06/can-china-broker-the-resolution-of-the-armenia-azerbaijan-conflict/>.

18. Ögütçü M. China in the South Caucasus: Not a Critical Partnership but Still Needed. *The South Caucasus Between Integration and Fragmentation*. 2015. Brussels, European Policy Centre. pp. 103–109.

19. Waltz K.N. The Origins of War in Neorealist Theory. *The Journal of Interdisciplinary History*, 1988, vol. 18, pp. 615–628.

20. Gilpin R.G. *The Political Economy of International Relations*. Princeton. New Jersey, Princeton University Press, 1987. 449 p.

21. Buzan B., Hansen L. *The Evolution of International Security Studies*. New York, Cambridge University Press, 2009. 384 p.

22. Popkhadze M. China's Growing Influence in the South Caucasus. *Foreign Policy Research Institute*, 2021, Available at: <https://www.fpri.org/article/2021/11/chinas-growing-influence-in-the-south-caucasus/>.

Информация об авторах

Ерицян Инга Нелсиковна — старший преподаватель, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, eritsyan.inga@mail.ru.

Олейников Илья Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет; доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, ilyavasilich@yandex.ru.

作者信息

Inga N. Eritsyan — 高级讲师, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, eritsyan.inga@mail.ru.

Ilya V. Oleynikov — 历史学副博士, 副教授, 政治学、历史学与区域研究教研室, 伊尔库茨克国立大学; 副教授, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, ilyavasilich@yandex.ru.

Authors

Inga N. Eritsyan — Senior Lecturer, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, eritsyan.inga@mail.ru.

Ilya V. Oleynikov — PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University; Associate Professor of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, ilyavasilich@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

作者的贡献

所有作者对该出版物的准备作出了等量贡献。所有作者声明无利益冲突。

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Ерицян И.Н. Стратегия Китая в отношении де-факто государств постсоветского пространства с позиции неореализма / И.Н. Ерицян, И.В. Олейников. — DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(2).158-168. — EDN KKQRLI // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 158–168.

For Citation

Eritsyan I.N., Oleynikov I.V. China's Strategy Toward the De Facto States of the Post-Soviet Space from a Neorealist Perspective. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 158–168. (In Russian). EDN: KKQRLI. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(2).158-168.